

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

shers-serg@yandex.ru

ЭМИР ШАКИБ АРСЛАН МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00052 «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)».

Статья посвящена взглядам и деятельности накануне и в период Первой мировой войны известного исламского активиста эмира Шакиба Арслана (1869–1946). Автор фокусируется на изучении сотрудничества Шакиба Арслана с триумвирами, а также непродолжительного, но важного отрезка жизни эмира, связанного с его пребыванием в Германии в качестве османского эмиссара. Автор пытается понять место и роль Шакиба Арслана в германо-османских отношениях на заключительном этапе Первой мировой войны, уделяя особое внимание его пропагандистской активности в этот период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Османская империя, Германская империя, пропаганда, Шакиб Арслан.

Яркая личность Шакиба Арслана и его насыщенная событиями биография давно привлекали внимание исследователей. Однако исследовательский интерес к этой фигуре связан не только с попытками понять сложную траекторию его политической и интеллектуальной жизни. За ним стоит нечто большее – стремление к пониманию и описанию эволюции исламского активизма в первой половине XX века.

Эмир Шакиб Арслан больше известен своей деятельностью в межвоенный период. Во многом благодаря его усилиям Женева в 1920-е – 1930-е годы не только превратилась в своеобразную столицу формирующегося исламского сообщества Западной Европы, но и стала одним из центров международного исламского активизма. Однако предшествующий, «османский» период его жизни, связанный с его борьбой за сохранение Османской империи не менее важен. В конце концов, именно в это время он сформировался как политик и исламский идеолог, став одним из самых ярких представителей последнего поколения османской элиты. Приверженность имперскому мышлению и османской политической культуре не могла не сказаться на последующем развитии его идей. Как заметил автор лучшей англоязычной работы о Шакибе Арслане Уильям Кливленд, идеи, которые сделали его знаменитым, были сформированы в османской среде. Чтобы в полной мере оценить его, необходимо понять его место в османской системе и его взгляды на Османскую империю [Cleveland, 1985. P. XIV].

Тем не менее, не следует недооценивать и опыт пребывания Шакиба Арслана в Европе – сначала как османского эмиссара, затем как изгнанника. Именно Европа выступала в то время для многих арабских и турецких националистов и панисламистов в качестве конституирующего Иного, и Шакиб Арслан – не исключение.

На Западе Шакибу Арслану посвящено множество работ, в которых исследуется его деятельность как политика и исламского активиста. В отечественной историографии, напротив, личность Шакиба Арслана пока не привлекала сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Автор статьи, обращаясь к архивным документам, а также к публикациям самого Шакиба Арслана, анализирует деятельность эмира в османский и германский период его жизни, делая особый акцент на той части биографии Шакиба Арслана, которая связана с его усилиями по поддержанию и укреплению германо-османского альянса в годы Первой мировой войны.

Арслан, родившийся в регионе Шуф в Ливане, принадлежал к влиятельной семье друзов, члены которой имели право носить титул эмира [Cleveland, 1997. P. 248]. Однако стать известным имперским политиком Арслану помог не только его наследственный аристократический статус, но и движение арабского Возрождения (ан-Нахда) [Cleveland, 1985. P. XIV]. Арслан в полной мере использовал возможности, которые открывала наступающая эпоха – и с точки зрения образования, и с точки зрения мобильности и новых средств коммуникации.

Получив начальное образование у местного шейха, Шакиб Арслан поступил в американскую школу, созданную миссионерами-протестантами в его родном городе Шувейфат. После ее окончания Шакиб Арслан в течение семи лет обучался в маронитском духовном училище («Школа мудрости»)¹, и, наконец, завершил свое образование в престижном османском учебном заведении Бейрута «Аль-мадраса ас-Султанья» [Rabah, 2014. P. 2]. В последние годы его обучения в Бейруте он стал учеником и протеже знаменитого египетского реформатора и интеллектуала Мухаммеда Абдо [Cleveland, 1985. P. 8], который серьезно повлиял на дальнейшую идейную эволюцию Шакиба Арслана. В ходе поездок Шакиба Арслана по Ближнему Востоку происходит укрепление сети его интеллектуальных знакомств и формирование политических и личных связей с ведущими деятелями движения ан-Нахда [Rabah, 2014. P. 2]. Также Арслан совершил поездку во Францию, по возвращении из которой в Стамбул он познакомился еще с одним «властителем дум» мусульманского мира – Джамаль ад-Дином аль-Афгани.

Шакиб Арслан рано проявил себя как способный поэт и литератор, став обладателем почетного титула «принц красноречия» (амир аль-байдн). Уже совсем скоро литературные способности Арслана помогут ему стать ярким

¹ «Мадрасат аль-хикма» («школа мудрости») – духовное училище, открытое маронитами в Бейруте в 1865 году [Родионов, Сарабьев, 2013. С. 152].

полемистом, защищающим ислам и Османскую империю от европейской экспансии.

После прихода к власти в Османской империи в 1908 году младотурок и восстановления ими конституции, Арслан был избран в совет делегатов, представляющих регион Хауран [Rabah, 2014. P. 2]. Позднее, в 1914 году он стал депутатом османского парламента.

Одним из поворотных моментов в политической карьере и жизни Арслана станет сближение с триумвирами: Энвер-пашой, Талаат-пашой и Джемаль-пашой, произошедшее вскоре после младотурецкой революции 1908 года.

После начала итало-турецкой войны Арслан отправился из Египта в Триполи для того чтобы доставить с помощью каравана верблюдов материалы от Красного Полумесяца для ливийских воинов. В это время Арслан познакомился с Энвер-пашой, который по собственной инициативе поехал на войну для того, как он считал, чтобы спасти Османскую империю и мусульманский мир от натиска европейских держав. Шакиб Арслан писал позднее, что отношение Энвера к войне в Триполи полностью совпадало с его собственным. На мой взгляд, продолжал Арслан, капитуляция или игнорирование Траблусгарпа ² привели бы не просто к унижению североафриканских мусульман и их сдаче врагу, но открыли бы путь к распаду всей Османской империи [Wasti, 2008. P. 927]. Арслан, встретивший Энвер-пашу в подобных обстоятельствах, открыто восхищался им и даже называл его «настоящим исламским героем» [Zekeriyu, 1995. S. 600].

И до и во время поездки в Ливию Арслан публикует в различных газетах статьи, направленные против итальянского вторжения, начав, по его собственным словам, «войну пера» [Wasti, 2008. P. 927]. Именно в этой войне, которую Арслан будет вести всю жизнь, выражая на страницах газет и

² «Trablusgarp Savaşı» («Война за Триполи») – закрепившееся в Турции название итало-турецкой войны 1911–1912 гг.

журналов в яркой, полемичной форме свои антиколониальные идеи и обращаясь к мусульманской солидарности, он преуспеет в наибольшей степени.

Во время Первой Балканской войны Шакиб Арслан координировал деятельность благотворительного общества Красного Полумесяца на Балканах [Adal, 2008. P. 169] и стремился оказать помощь не только мусульманским беженцам из разных частей Балкан, но и осажденной в г. Эдирне османской армии.

Конституционная революция 1908 года в Османской империи высвободила политическую и интеллектуальную энергию различных этнических и религиозных групп, которых сковывал страх в период авторитарного правления султана Абдулхамид II [Atçıl, 2013. P. 26]. В это время в интеллектуальных арабских кругах набирает силу движение за реформы. В 1912 году группа сирийских иммигрантов организовала в Каире так называемую Османскую партию децентрализации [Роган, 2018. С. 32]. Критикуя политику централизации, которую проводила правящая партия «Единения и прогресса», они потребовали децентрализации управления и признания арабской автономии. В июне 1913 года сторонники децентрализации провели съезд Арабского конгресса в Париже. Арслан выступил в это время как рупор централистской позиции и стремился подорвать доверие к сторонникам децентрализации и представить их в качестве сепаратистов, преднамеренно или непреднамеренно служащим целям европейских держав. Опасной в его глазах тенденции к децентрализации он противопоставлял идею исламского единства, которая, по его словам, оправдывала бы преданность арабов и турок сохранению Османской империи [Atçıl, 2013. P. 27].

После переговоров с депутатами Арабского конгресса, османское правительство пригласило в Стамбул группу арабских представителей, в которую вошел и Шакиб Арслан, чтобы обсудить арабский вопрос и требования сирийцев. Во время Стамбульского конгресса арабские гости

указали на необходимость предоставления больших полномочий арабским провинциям, а также уделения большего внимания арабскому языку. Кроме того, они попросили правительство создать университет на Аравийском полуострове. Назначенные правительством Шакиб Арслан и Абдулазиз Джавиш провели в Медине почти три месяца, работая над созданием университета [Fikriye, 2013. P. 58].

Однако, судя по письмам, которые Шакиб Арслан во время его поездки в Медину в 1913 году отправлял Талаат-паше, главными целями этой поездки являлись разведка и пропаганда – в условиях, когда один военный кризис сменялся другим, еще большим по масштабам и последствиям, нужно было собрать информацию о ситуации в арабских провинциях и, по возможности, теснее привязать к османам тех арабских лидеров, в лояльности которых Стамбулу возникали все большие сомнения. Арслан указывал в одном из писем на необходимость постройки железнодорожной линии в Хиджазе, которая соединила бы Мекку и Медину – появление подобной дороги, полагал Арслан, оказало бы положительное влияние на весь мусульманский мир [Kurşun, 1995. S. 603].

Незадолго до поездки Арслана в Медину в Стамбуле было создано «Исламское благотворительное общество», формальными учредителями которого стали группы мусульман (турки, египтяне, тунисцы, ливийцы, йеменцы, хиджазцы и индийцы), представлявшие самые разные уголки мусульманского мира. В это общество вошли также министр внутренних дел Талаат-паша и дядя Энвер-паши Халиль-паша [Kurşun, 1995. S. 604]. Несмотря на название, общество было создано прежде всего для предотвращения наметившегося раскола между арабами и турками. Роль Шакиба Арслана (и для этого общества, и для османской политики в отношении арабских провинций в целом), который одновременно выполнял роль и пропагандиста, и посредника между различными арабскими группами и младотурками, трудно переоценить.

Дружеские отношения Арслана с Энвер-пашой и Талаат-пашой, его преданность младотурецкому режиму и его многочисленные призывы о необходимости единства арабов и турок, вызывали неоднозначную реакцию в арабских кругах, оппозиционно настроенная часть которых подвергла Арслана резкой критике. Впоследствии в своих мемуарах Арслан будет подчеркивать, что до войны с Италией он прекратил все отношения с младотурками, а его отношения с Энвером носили личный характер [Atçıl, 2003. P. 34]. С другой стороны, и в то время, и позднее Арслан действительно был убежден, что от того, сохранится или не сохранится Османская империя зависит не только судьба турок, но и судьба арабов, а также судьба всего мусульманского мира.

Значимость услуг Шакиба Арслана для младотурецкого режима после начала Первой мировой войны только возросла, а, следовательно, увеличился и его политический вес. Вступление Османской империи в войну на стороне Германской империи поставило представителей арабских элит перед сложным выбором – сохранить лояльность османам в надежде на расширение прав и, возможно, получение автономии в рамках империи или выступить против османской власти, в расчете на создание независимого арабского государства при поддержке великих держав. И тот, и другой путь были сопряжены со значительными рисками. Как пронизательно заметил немецкий арабист Герхард Хёпп, зазор между патриотизмом и коллаборационизмом для лидеров национальных освободительных движений всегда был очень не большим [Höpp, 1991. S. 827]. Эмир Шакиб Арслан принадлежал к числу тех политиков, которые связывали собственное будущее и будущее арабов с сохранением Османской империи. Он рассматривал начавшуюся войну сквозь призму борьбы между исламской империей и Западом, цели которого состояли в завоевании и разделе исламских земель [Makram, 2014. P. 3].

Тайное соглашение, подписанное 2 августа 1914 года между Германской и Османской империями и оформившее военный союз двух

держав, одни исследователи рассматривали как логический и почти неизбежный шаг на пути хотя и противоречивого, но поступательного германо-османского сближения, продолжавшегося на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий. Согласно другой точке зрения, это соглашение стало одним из плохо продуманных решений триумвиров (и, прежде всего, Энвер-паши) в рамках их в целом довольно авантюристичного внешнеполитического курса. Однако это соглашение стало не столько результатом инерции османо-германского сближения, или амбиций и особого отношения к Германии Энвер-паши, а объяснялось, прежде всего, стремлением младотурецкого руководства обеспечить выживание Османской империи в условиях стремительно приближавшегося глобального конфликта.

Деятельность Шакиба Арслана до войны и в еще большей степени после начала войны трудно понять и оценить, если не учитывать его приверженность данной логике – логике выживания империи. Тем не менее, хотя эта логика являлась преобладающей, она не была единственной, могла быть подвижной и не исключала внутренних противоречий. Не сомневающиеся в том, что необходимо не допустить распада Османской империи, Шакиб Арслан и лидеры младотурок иногда расходились в том, каким образом следует добиваться ее сохранения. Однако союз Османской империи с одной из мощнейших европейских держав в глазах Шакиба Арслана был шагом в правильном направлении и повышал шансы Османской империи на самосохранение.

По замечанию исследователя Раджи Адаля, как одна из немногих европейских великих держав, почти не имевшая колониальных владений, Германия предложила Арслану редкий шанс для братских отношений [Adal, 2008. P. 177–178]. К тому же еще на заре его карьеры у Арслана появились личные причины для того, чтобы выделять Германию среди других европейских держав. Когда кайзер Вильгельм II в ходе его знаменитой поездки по Ближнему Востоку посетил Дамаск, Арслан был назначен султаном Абдулхамидом II его сопровождающим в этом городе [Adal, 2008.

Р. 178]. Еще раньше, в ходе поездки Арслана в Египет, он познакомился с немецким археологом и дипломатом Максом фон Оппенгеймом, сотрудничество и дружеские отношения с которым он будет поддерживать на протяжении всей жизни.

30 августа 1914 года, уже после подписания османами тайного соглашения о союзе с Германией, но до вступления Османской империи в войну, Шакиб Арслан встретился с послом Германии в Стамбуле бароном Гансом фон Вангенгеймом. В своей телеграмме в МИД Вангенгейм охарактеризовал Арслана как «личность, активно участвующую в антианглийской пропаганде в исламе»³. По его словам, Арслан подчеркнул абсолютную необходимость в получении оружия для повстанческого движения. Также Арслан предложил выбрать определенное количество мусульманских военнопленных из турков и зуавов⁴, чтобы направить их в Османскую империю, заявив при этом, что «Его Величество Император, как друг мусульман в честь султана подарил свободу этим заключенным в стране их веры». Арслан выразил мнение, с которым согласился Вангенгейм, что «такой шаг, если он будет предпринят, подобно лесному пожару распространился бы на весь мусульманский мир и возымел бы больший эффект, чем любое из наших ранее используемых средств агитации»⁵.

Акция, предложенная Арсланом, вскоре будет осуществлена – после официального объявления о вступлении Османской империи в войну возле немецкого посольства в Стамбуле состоится публичное мероприятие, в ходе которого несколько бывших военнопленных мусульман будут продемонстрированы публике, а один из них даже выступит с речью. И хотя она вряд ли произвела такой пропагандистский эффект, о котором говорил Арслан, вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных-мусульман и, в том

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn. R 21667. Bl. 47.

⁴ Так называли арабских и берберских солдат, служивших в колониальных полках французской армии.

⁵ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn. R 21667. Bl. 47.

числе, об их транспортировке в Османскую империю (для последующего присоединения к османской армии) будет оставаться в фокусе немецко-османского сотрудничества почти на всем протяжении войны.

Став членом Комитета по иностранным делам в османском парламенте, Арслан получил дополнительные возможности для взаимодействия с военным союзником империи – Германией, и вносил свой вклад в поддержание осmano-германского альянса. Он, например, выполнял роль посредника между великим визирем Османской империи Саидом Халимом и послом Германии в Стамбуле Вангенгеймом в тот момент, когда между ними были напряженные отношения [Adal, 2008. P. 188].

С началом войны Шакиб Арслан стал помощником Джемаль-паши, который в ноябре 1914 года занял должность командующего османскими войсками в Сирии, а впоследствии – генерал-губернатора сирийских провинций. Во время войны он тратил бесчисленное количество часов на вербовку сирийцев и друзов для службы в турецкой армии [Bessis, 1978. S. 470]. Узнав о планах Джемалья предпринять экспедицию на Синай (с последующей атакой на Суэцкий канал), Шакиб Арслан попросил освободить его от исполнения депутатских обязанностей, чтобы возглавить добровольческий полк друзов в Синайской кампании [Роган, 2018. С. 96].

Шакиб Арслан становится одним из ведущих авторов газеты «аль-Шарк», созданной по указанию Джемаль-паши для обеспечения поддержки сирийцами младотурецкого режима, мотивации их к участию в османском джихаде, а также для борьбы с «сепаратистским» арабским движением [Talha, 2014. P. 2].

Однако именно во время правления в Сирии Джемаль-паши там произойдут события, которые поставят Шакиба Арслана в очень сложное положение. Джемаль нанесет жестокий удар по местной арабской элите, обвинив часть ее представителей в сепаратизме: несколько человек по его приказу будут повешены, многие – высланы в Анатолию. Репрессиям подвергались любые арабские подданные, заподозренные в нелояльном

отношении к османской власти. За эти действия Джемаль получит в арабских кругах прозвище «Мясник». Шакиб Арслан не только осудил эту политику, но и постарался использовать свои связи для того чтобы остановить репрессии или хотя бы смягчить их последствия. В частности он неоднократно обращался к Талаат-паше и Энвер-паше с просьбами предотвратить высылку представителей арабской элиты в Анатолию, а также предпринять меры для борьбы с голодом в Сирии. Кроме того, в 1916 году он обратился к немецкому консулу в Бейруте и немецкому послу в Стамбуле, осудив политику Джемаль-паши в отношении арабов и надеясь на то, что ситуацию может изменить вмешательство немецких союзников [Sinno, 2006. S. 7].

По мнению Шакиба Арслана, безжалостная политика Джемаль-паши стала одной из самых страшных катастроф, которые произошли с мусульманским миром и Османской империей на протяжении всей их истории [Fikriye, 2008. P. 60]. Позднее в своих мемуарах он утверждал, что даже если политика угнетения, которую проводил Демаль-паша, не привела к арабскому восстанию, она стала оправданием для тех, кто предпочитал европейскую администрацию османской на Аравийском полуострове. В любом случае, полагал он, те, кто являлся чисто турецкими националистами, такими как Джемаль-паша, не имели права наказывать арабских националистов [Fikriye, 2008. P. 60]. Характерно, что Джемаль-паша, который в своих мемуарах [Djemat, 1922] подробно описал его деятельность в Сирии в качестве командующего 4-й армией и генерал-губернатора, в том числе его борьбу с арабской оппозицией в Сирии, ни разу не упомянул имя Шакиба Арслана.

В рамках принятой германским МИД осенью 1914 года широкой программы по подготовке восстаний и революций, имевшей глобальный охват [Jenkins, 2013. P. 397], немецкие дипломаты искали возможности для продвижения пропаганды Германии не только в Европе, но и в неевропейском мире, в том числе на Ближнем Востоке. И в первом, и во

втором случае пропаганда вряд ли могла быть успешной без сотрудничества с местными националистами. Нередко, однако, это сотрудничество проходило в Германии, а некоторые ближневосточные союзники немцев рассматривали в качестве своей целевой аудитории не только своих единомышленников, но и немецкую публику. А это значило, что дискуссии и противостояние пропаганд, которые бушевали на Ближнем Востоке, теперь переносились в иной культурный и политический контекст. Естественно, они не могли не приобрести новые формы и смысловые оттенки, тем более что ближневосточные деятели должны были искать, осваивать или изобретать новый язык для обращения к новой для себя аудитории. Издаваемый Шакибом Арсланом в Женеве с 1930 по 1938 год франкоязычный журнал «Арабская нация» («La Nation Arabe») станет мощным инструментом, который позволит ему влиять на общественное мнение не только в Европе, но и в странах арабского (мусульманского) мира. Однако это будет позднее, а первый опыт общения с европейской аудиторией Шакиб Арслан получил в годы войны, прибыв в 1917 году в Германию.

Летом 1917 года Шакиб Арслан отправился со специальной миссией в Германию в качестве эmissара Энвер-паши. Хотя основная цель его миссии состояла, видимо, в изучении положения главного военного союзника османов, вряд ли круг его задач был описан исчерпывающим образом. Энвер, как впрочем и Талаат, полностью доверял ему, и Арслану не раз приходилось выполнять самые деликатные их поручения. Тем более что эмир являлся не только депутатом османского парламента, но и членом созданной Энвер-пашой секретной организации «Тешкилат-и махсусе».

Шакиб Арслан ездил по стране, выступал с лекциями, встречался с руководителями германского МИД, а также с представителями немецких общественных и деловых кругов. 22 ноября 1917 года Шакиб Арслан посетил два специальных лагеря для военнопленных мусульман («лагерь виноградаря» и «лагерь полумесяца»), располагавшихся недалеко от Берлина.

В Берлине Арслан встретился со своим старым знакомым – Максом фон Оппенгеймом. Арслан, который находился в дружественных отношениях с Оппенгеймом уже более двадцати лет, стал для последнего, а значит, и для немецкой дипломатии важным источником информации о политических событиях в Османской империи, арабо-османских отношениях и действительном отношении Османской империи к Европе⁶. Уже после прибытия эмира Арслана в Германию Оппенгейм характеризовал его в своей записке как серьезного, независимого и образованного лидера [Sinno. 2006. P. 401].

В Мюнхене эмир прочитал лекцию о голоде в Сирии, заявив, что он был вызван действиями союзников, которые заблокировали все морские пути, направляющиеся в Сирию [Fikriye, 2013. P. 61]. Арслан и Энвер-паша направили письмо папе римскому, в котором попросили его помочь Сирии продовольствием и материалами. Позднее Арслан сам напишет послание папе римскому, в котором потребует отправить продовольственную помощь хотя бы для христиан в Сирии и Ливане [Fikriye, 2013. P. 61].

Хотя призывы Арслана были искренними, голод в Сирии, вызванный военными действиями, массовыми депортациями, нашествием саранчи и морской блокадой стал еще одним поводом, использованным противостоящими сторонами для дегуманизации противника.

Выступления и статьи Арслана в это время публикуются как в немецких периодических изданиях, так и в исламских газетах и журналах, которые создаются в Берлине при поддержке «Информационного бюро Востока» (в частности он стал одним из авторов основанного в 1917 году журнала «Исламский мир»).

⁶ Not All Quiet on the Ottoman Fronts, Neglected Perspectives on a Global War, 1914-1918, reviewed by Zaur Gasimov. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=42037> (дата обращения: 04.08.2018)

В них Шакиб Арслан рассказывал немецкой публике и исламским эмигрантам в Германии о своем видении происходивших на Ближнем Востоке событий и ключевых проблем региона. Интересно, что разные издания по-разному представляли Арслана немецким читателям – как «главу племени друзов», как «депутата от Хаурана в турецком парламенте» и, часто – как «нашего арабского сотрудника». Сам Арслан считал себя не только лидером друзов, но и представителем большинства арабов в Сирии и также арабской эмигрантской элиты в Европе [Sinno, 2006. S. 2]. Иногда в своих статьях он говорил от имени всех арабов.

Несмотря на то что в своих многочисленных публикациях и выступлениях эмир затрагивал широкий круг проблем, существовали сюжеты, к которым он обращался постоянно: Османская империя и ее судьба, взаимоотношения арабов и турок, восприятие арабами и мусульманами Германии и стран Антанты.

Шакиб Арслан неоднократно заявлял, что политика Германии в отношении мусульманских стран отличается от политики других европейских держав. Описывая ее отношения с исламским миром, он утверждал, что Германия не поработала людей и не разграбляла их богатства, не использовала в своих целях чувства мусульман и арабов, стремящихся к независимости, как это делала Великобритания, особенно в случае с шерифом Мекки [Sinno, 2006. P. 401]. В статье «Ислам и Германская империя» он писал: «Ясно, что ислам должен дружить с противниками тех, кто планирует зло против ислама. А кто в настоящее время является более сильным противником Британии и Франции на суше и на море чем Германия?» [Sinno, 2006. P. 401].

Шакиб Арслан полагал, что Германия может сыграть большую роль в послевоенном развитии мусульманского мира (в том числе Сирии). «Для развития мусульманского мира обязательно нужна великая европейская держава, писал он, и этой державой может быть только Германия» [Arslan, 1917b]. Более того, Арслан писал о необходимости колониальной экспансии

для Германии, которая как колониальная держава значительно уступала Великобритании и Франции. В то же время, делая различие между колониализмом Германии и колониализмом ее противников, он говорил о «колониальной экспансии мирными средствами, не угнетающей свободу народов, а поощряющей и требующей ее» [Arslan, 1917b].

Шакиб Арслан понимал, что исход войны предопределит и будущее Османской империи и полагал, что сохранение империи является гарантией защиты арабов от колониального подчинения, а также одним из условий (хотя и не единственным) для развития всех проживающих в ее пределах народов.

В годы Первой мировой войны и особенно после выступления шерифа Мекки Хусейна, актуализировался вопрос о халифате – о том, кто должен быть халифом и по праву ли османский султан носит титул халифа. Шакиб Арслан также вступил в эту дискуссию. Как подчеркивал Шакиб Арслан, арабы признают заслуги турок, которые сами приняли ислам и защищали его почти против всей Европы, и поэтому охотно уступили халифат османскому султану, который является турком [Arslan, 1917. S. 7]. Фактически эмир воспроизводил в данном случае утвердившуюся в Османской империи теорию халифата ⁷.

Утверждая, что большинство арабов сохраняют преданность османской власти и выступают против распада Османской империи, он, тем не менее, признавал существование внутренних и внешних вызовов, несущих ей угрозу.

Один из них он видел в наличии достаточно глубоких противоречий между арабами и турками (которые усиливали и стремились использовать Великобритания и Франция). В этой связи он выступал с критикой

⁷ Как писал исследователь Мартин Крамер, «теория халифата, в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат». [Наумкин, 2018. С. 13].

правительства младотурок, которые, как он писал, «с большим рвением как каждая молодая партия, недавно захватившая власть, проявляют в своей политике чрезмерно националистические тенденции» [Arslan, 1918. S. 239].

Подобная политика, по мнению эмира, увеличивала число тех арабов, которые ориентировались на Великобританию и Францию и выступали за создание независимого арабского государства.

Вместе с тем Шакиб Арслан призывал не преувеличивать арабо-турецкие противоречия: «В Европе обманываются, отмечал он, если думают, что ненависть между ними так далеко простирается, что арабы могут радоваться поражению Турции от европейцев» [Arslan, 1918. S. 238]. Арслан полагал, что даже шериф Хусейн и те арабы, которые ненавидят турок, рассчитывали на установление такого европейского баланса, при котором независимость арабского государства должна была обеспечиваться со стороны независимой и усилившейся Турции. Эту мысль эмир формулировал даже в более парадоксальном ключе: «Главный враг Турции среди арабов знает, что Турция является его единственным защитником» [Arslan, 1918. S. 238].

Фактически Арслан критиковал шерифа Хусейна и других арабов, выступивших против османских властей не столько за само выступление, сколько за то, что, по его мнению, преследуемая ими цель – создание сильной и независимой арабской империи – не могла быть осуществлена.

Если до начала Первой мировой войны Шакиб Арслан выступал с резкой критикой сторонников децентрализации, то в конце войны он сам видел в проведении политических и административных реформ необходимое условие сохранения Османской империи. О необходимости реформирования политической системы Османской империи Арслан беседовал с немецкими чиновниками в ходе его первого приезда в Германию в 1917 году [Sinno, 2006. S. 3].

Главный внешний вызов для Османской империи и всего мусульманского мира эмир видел в колониальных устремлениях государств

Антанты. Арслан был обеспокоен активной пропагандой Великобритании среди арабского населения Османской империи и британскими обещаниями поддержать независимость арабов. В статье «Арабы и англичане» (и ряде других публикаций) он снова и снова формулировал и стремился доказать тезис о том, что англичане никогда не допустят создания сильной арабской империи. Такая империя, рассуждал он, стала бы доминировать в Красном море и, следовательно, получила бы контроль над дорогой в Индию [Arslan, 1917a. S. 264].

Указывая на контраст между политикой Германии и Великобритании в отношении Османской империи и арабов, он считал, что если в первом случае речь идет о проявлении приязни, то во втором – о вражде, имеющей длинную историю [Arslan, 1917a. S. 266].

Вскоре после возвращения Шакиба Арслана в Стамбул, Энвер-паша снова направил его обратно в Берлин для того чтобы обсудить некоторые проблемы между Османской империей и Германией в отношении Кавказа и российского флота в Черном море [Ada, 2008. P. 188].

Шакиб Арслан оставался в Берлине до конца 1918 года. Незадолго до отъезда из Турции Энвер-паша отправил телеграмму Шакибу Арслану с просьбой выполнить его задание и вернуться в Стамбул. Ограничения на поездки и недоступность морских судов не позволили Арслану добраться до Стамбула, несмотря на несколько предпринятых попыток [Wasti, 2008. P. 930].

Шакиб Арслан продолжал сотрудничать с Энвер-пашой, Джемаль-пашой и Талаат-пашой (и другими представителями младотурецкой партии) после их бегства из Турции. Он стал активным участником многих формирующихся в эмигрантской среде Европы транснациональных сетей. Прежде чем переехать в Швейцарию Шакиб Арслан некоторое время будет главой организованного Талаат-пашой в Берлине «Восточного клуба». В какой степени взгляды Шакиба Арслана определялись его происхождением, а в какой - более поздним политическим опытом и интеллектуальным

влиянием Мухаммеда Абдо и других мыслителей? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Шакиб Арслан принадлежал к друзской общине, и, как полагает исследователь Абдурахман Атчил, позиция и идеи Шакиба Арслана на политической арене до Первой мировой войны прежде всего основывались на опыте его семьи в рамках особого режима управления Горным Ливаном, созданным в 1861 году. Именно знакомством Шакиба Арслана с данным режимом этот исследователь объясняет неприятие Арсланом децентрализованной администрации, которая ассоциировалась в его глазах с ростом иностранного влияния [Atçıl, 2013. P. 28].

Приверженность Шакиба Арслана принципу исламской солидарности и сохранению халифата, которая отличала и ряд других сирийских националистов, объяснялась, по всей видимости, прагматичными соображениями - и то и другое они считали необходимым условием для выживания Османской империи перед лицом угрозы со стороны Запада. По тем же причинам Шакиб Арслан был убежден в необходимости сохранять лояльность Османской империи (и идеологии оттоманизма) [Havemann A., 1988. P. 356]. Конечно, идеологическая позиция Шакиба Арслана была неразрывно связана с его личными амбициями. Шакиб Арслан смог стать заметной фигурой на османской политической сцене не только как один из лидеров общины друзов, но и как исламский деятель и активный сторонник младотурецкого режима.

В годы Первой мировой войны многие представители национальных движений пройдут схожий путь (переезд в Германию, сотрудничество с немецкими службами, в том числе по линии пропаганды). Важно, однако, увидеть и понять не только их личные мотивы, но и ситуационный контекст взаимодействия, и в целом рассмотреть с точки зрения транснациональной перспективы формирующиеся в ходе войны (и после ее окончания) разнообразные связи и сообщества. Это поможет лучше оценить влияние Первой мировой войны на динамику послевоенных национальных и антиколониальных движений. С окончанием Первой мировой войны не

закончилась антиколониальная борьба (напротив, в ряде случаев, она получает новый импульс), а созданные в ходе войны сети взаимодействия, институты и сообщества трансформировались, но продолжали действовать в 1920-е, а иногда и в 1930-е годы, оставаясь фактором как европейской, так и ближневосточной политики.

Список литературы

Наумкин В. В. Некоторые аспекты дипломатического соперничества Советского союза и Великобритании в Аравии в 1920-е гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. №2. С. 6–19.

Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. 560 с.

Родионов М. А., Сарабьев А. В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 500 с.

Таки В. Царь и султан: Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.

Adal R. Constructing transnational Islam: the East-West network of Shakib Arslan // *Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication.* London; New York: Routledge, 2006. P. 176–210.

Adal R. Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend // *Islam in Interwar Europe.* London: Hurst & Company, 2008. P. 156–182.

Atçıl A. Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party // *Welt des Islams.* 2013. Vol. 53. No. 1. P. 26–49.

Bessis J. Chekib Arslan et les mouvements nationalistes au Maghreb // *Revue Historique.* 1978. H. 526. P. 467–489.

Cleveland W. L. Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism. London: Al saqi Books, 1985. 223 p.

Cleveland W. L. Shakib Arslan // Encyclopaedia of Islam. Vol. IX. Leiden: BRILL, 1997. P. 248.

Fikriye K. Arab intellectuals under the Young Turks : a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918). PhD Dissertation, İstanbul: İstanbul Şehir Üniversitesi, 2013. 137 p.

Höpp G. Z. Entente und Mittelmächten: arabische Nationalisten und Panislamisten in Deutschland (1914 bis 1918) // Asien, Afrika, Lateinamerika: Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR. Vol. 5. Berlin: Akademie Verlag, 1991. S. 827–845.

Havemann A. Between ottoman loyalty and arab independence: Muḥammad Kurd ‘Alī, Ğirġī Zaydān, and Šakīb Arslān // Quaderni di Studi Arabi, 5-6, 1987-1988, P. 347-356.

Jenkins J. Fritz Fischer’s «Programme for Revolution»: Implications for a Global History of Germany in the First World War // Journal of Contemporary History. 2013. 48(2). P. 397–417.

Rabah M. Arslān, Shakīb, Amīr // 1914–1918 – online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin: Freie Universität, 2014. P. 1–5.

Sinno A.-R. Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlin am 30/31. 3. 2006. S. 1–9. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf (дата обращения: 04.08.2018).

Sinno A.-R. The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions // The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Beirut: Orient-Institut Beirut, 2006. P. 391–414.

Talha Ç. M. Arab Supporters of the Belligerent Countries // 1914–1918 – online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin: Freie Universität, 2014. P. 1–4.

Wasti S. T. Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate // Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 44. No. 6 (November). P. 925–936.

Zekeriya K. Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergisi. 1995–1997. Sayı 15. S. 597–618. (на тур. яз.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Arslan S. Das Osmanische Reich // Süddeutsche Monatshefte. 1918. Nr. 10. Jg. 15. S. 235–240.

Arslan S. Die Araber und die Engländer // Der Neue Orient. 1917a. Bd. 1. Nr. 6. S. 263–265.

Arslan S. Die Notwendigkeit kolonialer Ausdehnung für das deutsche Reich // Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1917b. Nr. 895. Nov.10.

Arslan S. Was Syrien vom Kriege erwartet // Der Neue Orient. 1917c. Bd. 2. Nr. 1. S. 6–9.

Djemal A. Memories of a Turkish statesman – 1913–1919. New York: George H. Doran Company, 1922. 302 p.

S. A. Sherstyukov

Altai State Univerity

Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

shers-serg@yandex.ru

EMIR SHAKIB ARSLAN BETWEEN THE OTTOMAN AND THE GERMAN EMPIRE

The article is devoted to the study of views and activities on the eve and during the First World War of the famous Islamic activist Amir Shakib Arslan (1869–1946).

The author focuses on studying Shakib Arslan's cooperation with the leaders of the CUP, as well as the short but important period of the Amir's life, connected with his stay in Germany as an emissary of the Ottoman Empire. The author tries to understand the place and role of Shakib Arslan in the relations between the German and Ottoman empires at the final stage of the First World War, paying special attention to his propaganda activity during this period.

The author believes that studying the views and activities of Shakib Arslan during the Ottoman and German periods of his life can help not only to better understand this prominent political figure, but also provide an opportunity to broaden ideas about Ottoman-German cooperation during the First World War, as well as see the consequences of more Germany's extensive involvement in the affairs of the Middle East.

The example of Shakib Arslan confirms the thesis of representatives of the new empire history about the importance of numerous cross-border interconnections for inter-imperial relations. With the beginning of the First World War, on the one hand, additional difficulties arise to maintain ties between the Ottoman and German empires, on the other, new ties and forms of cooperation are created, and ultimately, their intensity increases during the war.

During the First World War, many representatives of national movements will follow a similar path (moving to Germany, cooperation with German services, including through propaganda). It is important, however, to see and understand not only their personal motives, but also the situational context of interaction, and in general, from the perspective of a transnational perspective, consider the various links and communities emerging during the war (and after it). This will help to better understand the influence of the First World War on the dynamics of post-war national and anti-colonial movements. With the end of World War I, the anti-colonial struggle did not end (on the contrary, in some cases, it received a new impetus), and the networks of interaction, institutions and communities created during the war transformed, but continued to act in the 1920s and sometimes in the 1930s years.

Keywords: World War One, Ottoman Empire, German Empire, propaganda, Shakib Arslan

References

Adal R. Constructing transnational Islam: the East-West network of Shakib Arslan. *Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation, and Communication*, London; New York, Routledge, 2006, p. 176–210.

Adal R. Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Coloniser, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend. *Islam in Interwar Europe*, London, Hurst & Company, 2008, p. 156–182.

Atçıl A. Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party. *Welt des Islams*, 2013, vol. 53, no. 1, p. 26–49.

Bessis J. Chekib Arslan et les mouvements nationalistes au Maghreb. *Revue Historique*, 1978, h. 526, p. 467–489.

Cleveland W. L. *Islam against the West: Shakib Arslan and the campaign for Islamic nationalism*, London, Al saqi Books, 1985, 223 p.

Cleveland W. L. Shakib Arslan. *Encyclopaedia of Islam*, Leiden, BRILL, 1997, vol. IX, p. 248.

Fikriye K. *Arab intellectuals under the Young Turks : a comparative-historical analysis on memoirs (1908–1918)* [PhD Dissertation], İstanbul, İstanbul Şehir Üniversitesi, 2013, 137 p.

Höpp G. Z. Entente und Mittelmächten: arabische Nationalisten und Panislamisten in Deutschland (1914 bis 1918). *Asien, Afrika, Lateinamerika: Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR*, Berlin, Akademie Verlag, 1991, vol. 5, s. 827–845.

Jenkins J. Fritz Fischer's «Programme for Revolution»: Implications for a Global History of Germany in the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2013. 48(2). P. 397–417.

Naumkin V. V. Nekotorye aspekty diplomaticheskogo sopernichestva Sovetskogo soyuza i Velikobritanii v Aravii v 1920kh [Some Aspects of the Diplomatic Competition between the Soviet Union and Great Britain in Arabia in the 1920s]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [*Orient. Afro-Asian Communities: History and Modernity*], 2018, no. 2. p. 6–19. (In Russ.)

Rabah M. Arslān, Shakīb, Amīr. 1914–1918 – online. *International Encyclopedia of the First World War*, Berlin, Freie Universität, 2014, p. 1–5.

Rodionov M. A., Sarab'ev A. V. *Maronity: traditsii, istoriya, politika* [*Maronites: Traditions, History, Politics*], Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, 2013, 500 p. (In Russ.)

Rogan E. *Padenie Osmanskoj imperii: Pervaja mirovaja vojna na Blizhnem Vostoke, 1914–1920* [*The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920*], Moscow, Alpina non-fikshn, 2018, 560 p. (In Russ.)

Sinno A.-R. *Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient*, Berlin am 30/31.03.2006, s. 1–9. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf (accessed 04.08.2018).

Sinno A.-R. The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions. *The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean*, Beirut, Orient-Institut Beirut, 2006, p. 391–414.

Taki V. *Tsar' i sultan: Osmanskaya imperiya glazami rossiyan* [*Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire*], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 320 p. (In Russ.)

Talha Ç. M. Arab Supporters of the Belligerent Countries. 1914–1918 – online. *International Encyclopedia of the First World War*, Berlin, Freie Universität, 2014, p. 1–4.

Wasti S. T. Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate. *Middle Eastern Studies*, 2008, vol. 44, no. 6 (November), p. 925–936.

Zekeriya K. Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri. *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergisi*, 1995–1997, sayı 15, s. 597–618. (In Turk.)

Sources

Arslan S. Das Osmanische Reich. *Süddeutsche Monatshefte*, 1918, nr. 10, jg. 15, s. 235–240.

Arslan S. Die Araber und die Engländer. *Der Neue Orient*, 1917a, bd. 1, nr. 6, s. 263–265.

Arslan S. Die Notwendigkeit kolonialer Ausdehnung für das deutsche Reich. *Rheinisch-Westfälische Zeitung*, 1917b, nr. 895, nov.10.

Arslan S. Was Syrien vom Kriege erwartet. *Der Neue Orient*, 1917c, bd. 2, nr. 1, s. 6–9.

Djemal A. *Memories of a Turkish statesman – 1913–1919*, New York, George H. Doran Company, 1922, 302 p.